

Майлкен пришёл в себя на борту субмарины.

Голова раскалывалась так, будто её сжимали тисками, а воспоминания о последних нескольких днях казались кошмаром — нет, куда хуже любого кошмара.

— Г-где мы? — прохрипел он, силясь подняться с койки.

— На подлодке, — успокоил его Ван Цзиншань. — Скоро будем дома.

Глядя на приятное, открытое лицо молодого азиата, Майлкен на мгновение засомневался: уж не грезит ли он наяву? Но нет, всё происходило по-настоящему.

Он слишком отчётливо помнил, как ступил в густой туман, а затем провалился в бездну жуткого, первозданного мрака. Тот мир кишел уродливыми тварями... Он ведь даже выстрелил в монстра, который на него напал. Оружие! Майлкен лихорадочно захлопал себя по карманам.

— Вы это ищете? — Ван Цзиншань протянул ему старый револьвер Браунинга.

— Да! Спасибо, — торопливо выдохнул Майлкен. Схватив револьвер, он откинул барабан: так и есть, одного патрона не хватало.

Ван Цзиншань поставил перед ним стакан воды и тарелку с едой.

— Поешьте сначала.

Изголодавшийся Майлкен вцепился в хлеб и принялся жадно жевать.

— Это ты меня вытащил... — невнятно пробормотал он с набитым ртом.

В памяти смутно всплывали очертания гигантского осьминога, но он списывал это на бред истощённого разума.

Цзиншань промолчал. Тетрадь профессора Смита он давно сжёг и твёрдо решил никогда не упоминать о кошмаре по ту сторону реальности.

Поняв, что расспросами ничего не добьётся, Майлкен настаивать не стал. В конце концов, уцелел — и ладно. Он почесал редющую макушку и беззлобно ухмыльнулся:

— Слушай, офицер Ван, а ты за эти дни вроде как округлился.

— Правда? — Цзиншань невольно коснулся щеки.

— Ну да, покрутел лицом, да и вообще раздобрел.

Ван Цзиншань лишь промолчал, растерянно моргнув.

Перед выходом он мельком глянул в зеркало, а теперь залез под рубашку и ощупал живот. Рельефные, упругие кубики пресса, которыми он так гордился, действительно словно сгладились. Неужели разжирел? Цзиншань отказывался в это верить. Раньше он стабильно занимал верхнюю строчку в неофициальном рейтинге самых подтянутых копов столицы. Наверное, просто рацион на подлодке оказался слишком сытным. Делать нечего, оставалось только обречённо вздохнуть.

Чтобы обеспечить им беспрепятственный отход, Носку пришлось снова примерить личину профессора Смита — жертва, на которую он пошёл с явным неодобрением. Впрочем, авторитет настоящего профессора Смита в исследовательском центре был непререкаем. Достаточно было "профессору" отдать приказ, как экипаж субмарины без лишних вопросов развернул судно и взял курс обратно к искусственному острову. Оттуда все трое благополучно перебрались на моторную лодку и направились к Острову Осьминогов.

По пути Носк не снимал человеческой маски. Офицер Майлкен, искренне полагая, что именно этот пожилой белый учёный устроил их побег, мгновенно проникся к нему глубочайшим уважением.

— Спасибо вам, огромное спасибо, профессор! Вы должны как-нибудь зайти к нам на ужин. Моя жена готовит — пальчики оближешь! — Накануне высадки Майлкен изо всех сил тряс ладонь "Смита", не зная, как ещё выразить признательность за своё спасение.

Носк попытался высвободить руку, но безуспешно.

— Хорошо. При случае, — выдавил он, пытаясь изобразить вежливую человеческую улыбку. Вышло, правда, жутковато — оскал неестественно белых зубов заставил бы вздрогнуть любого.

— Офицер Майлкен, вам бы поскорее домой, — поспешно вмешался Ван Цзиншань, спасая положение. — Родные, небось, с ума сходят от беспокойства.

— Точно! Ну, тогда до встречи. И про ужин не забывайте! — Майлкен хлопнул себя по лбу и припустил по дороге к дому.

Носк как-то очень скованно, почти механически повернул голову к Цзиншаню:

— А ты... разве не идёшь домой?

— У меня нет дома, — тихо ответил тот. Всё, чем он владел — тесная комната в полицейском общежитии.

Носк ненадолго задумался, а затем предложил:

— Тогда... хочешь пойти ко мне?

Солнце клонилось к горизонту, разливая по небу густые вечерние краски. К востоку от острова начинался глубокий жёлоб Мали, очертаниями напоминавший полумесяц. Во время отлива бурные потоки сталкивались здесь в яростных водоворотах, вздымая крутые, пенные валы.

Устроившись на широкой спине Носка, Цзиншань промок до нитки. Мокрая белая форма плотно облегла его подтянутое тело. Вокруг клубился влажный, холодный туман. Ван Цзиншань впервые оказался так близко к первозданной стихии, и суровая, дикая красота гаснущего заката лишила его дара речи.

Ни звука кругом — лишь мерный гул прибоя да резкие крики чаек. Океан дышал тяжело и ровно, будто засыпающий ребёнок, убаюкивающий сам себя невнятным лепетом.

Носк указал щупальцем вперёд:

"Мы почти на месте. Мой дом там, на самом дне"

— И нам... правда придётся нырять? — Ван Цзиншань невольно сглотнул. Пусть он и обрёл необъяснимую способность дышать под водой, преодолеть инстинктивный страх перед тёмной, неизведанной бездной было непросто.

Носк предложил:

"Хочешь, я понесу тебя?"

Представив, как его со всех сторон обовьют склизкие щупальца, Цзиншань поспешно зажал нос, зажмурился и сам ласточкой сиганул в воду.

— Да ладно, я сам! В конце концов, надо же когда-то привыкать.

Чему быть, того не миновать. Раз уж судьба одарила его таким невероятным даром, глупо трусить и упускать шанс разгадать тайны великого океана.

Оказавшись в воде, Цзиншань заговорил с Носком на его родном языке. Это было удивительное наречие: они обменивались мыслями с помощью волновых колебаний воды. Невероятное, ни на что не похожее ощущение.

Опускаясь вслед за Носком в глубину, Цзиншань почувствовал, как прохладная вода хлынула в уши, рот и нос, но тут же мягко вытолкнулась обратно под действием внутреннего давления. Удивительно, но он не ощутил ни малейшего дискомфорта — напротив, дышалось даже легче и свободнее, чем на суше.

Прибрежные воды Акватории Акос давно пострадали от промышленных стоков и казались мутными, безжизненно-серыми. Но здесь, в глубине жёлоба, раскинулся нетронутый уголок природы. Вода вокруг сияла чистейшей, пронзительной лазурью, напоминая ясное весеннее небо.

Цзиншань заворожённо наблюдал за стайками пёстрых рыб, шныряющих в расщелинах. Мимо, плавно сокращаясь куполами, поднимались нежно-розовые медузы, похожие на кружевные облака. Неторопливо гребли ластами неповоротливые черепахи; в отдалении величаво скользили исполинские киты и резвились дельфины. Внизу раскинулись причудливые, цветущие сады коралловых рифов. Это путешествие казалось Ван Цзиншаню чистейшей сказкой, погружением в подводную Страну чудес.

Оказавшись в самом центре кружащегося вихря из тысяч серебристых сардин, он пропускал сквозь пальцы испуганно мечущуюся мелкую рыбешку. "Определённо, лучшее приключение в моей жизни", — с восторгом подумал Цзиншань. Наверное, он стал первым человеком на всём континенте Ангра, сумевшим без всякого снаряжения прогуляться по океанскому дну. Настоящий первопроходец.

Сквозь мерный шум течений пробился тихий, вибрирующий зов:

"Ван Цзиншань..."

Он очнулся от созерцания подводных чудес и натолкнулся взглядом на пару огромных алых глаз.

— Носк...

Они замерли друг напротив друга в зыбком полумраке бездны. Время словно остановилось. Рыбы застыли на месте, подводные течения утихли, и только бешено колотящееся в груди сердце напоминало о реальности происходящего. Цзиншань заворожённо смотрел на величественного багрового исполина, не в силах отвести взгляд.

Носк мягко обвил щупальцем его запястье:

"Иди сюда. Мы почти пришли"

Подняв голову, Цзиншань увидел вековым сном спящий на дне старинный корабль. Покрытый ржавчиной остов, обвитый длинными лентами бурых водорослей, казался естественной частью рельефа — величественным утёсом, сотворённым самой бездной.

— Этому кораблю, наверное, не одна сотня лет, — удивился он.

Носк предложил:

"Хочешь зайти внутрь?"

— С удовольствием.

Правда, Цзиншань с трудом представлял, как Носк умудряется здесь жить. Судно было огромным по человеческим меркам, но для гигантского монстра казалось тесноватым — вряд ли вместило бы и четверть его исполинского тела. Однако Носк наглядно продемонстрировал поразительные свойства головоногих моллюсков. Ловко втянув массивные щупальца, он без малейших усилий просочился внутрь вместе с потоком воды, оставив при этом достаточно места, чтобы могли проходить даже беременные самки.

Ван Цзиншань удивлённо хмыкнул:

— Ты что, кот?

Носк озадаченно прищурился:

"Кот?"

— У людей есть шутка, что коты состоят из жидкости, потому что могут залезть в любую щель.

Носк ответил со всей серьёзностью:

"Я не кот. Я из мяса. Из нежного мяса осьминога. Если не веришь, можешь укусить"

Цзиншань поспешно закусил губу, сдерживая рвущийся наружу смех.

Носк искренне недоумевал:

"Чего ты смеёшься?"

— Да так, ни разу не пробовал, — ухмыльнулся Цзиншань, махнув рукой. — Ничего.

Наивность Носка порой казалась настолько обезоруживающей, что у Цзиншаня сжималось сердце от нежности. В такие минуты он прекрасно понимал художников, обожающих работать с чистым холстом.

Носк повёл щупальцем, с гордостью демонстрируя свои сокровища, припрятанные в трюме:

"Смотри"

Взглянув на внушительную гору ржавого хлама, битых черепков и дырявых кувшинов, Цзиншань мысленно вздохнул. Глупо было ожидать изысканного вкуса от гигантского моллюска, чьей главной страстью испокон веков оставалось коллекционирование всевозможной посуды.

Носк с любопытством поинтересовался:

"Ты говорил, что сокровища высоко ценятся. Если продать мои богатства людям, сколько за них дадут?"

У Цзиншаня язык не повернулся сказать правду: большинство этих "богатств" не стоили и ломаного гроша. Он подошёл ближе, опустил на корточки и принялся копать в грудё металлолома. Спустя пару минут ему удалось выудить две действительно стоящие вещи: изящный стеклянный кубок с остатками позолоты и старинную бронзовую курильницу для благовоний, покрытую благородной патиной.

— Вот эти две вещицы, пожалуй, имеют ценность. А сколько за них можно выручить, сказать не берусь — я всё-таки не оценщик.

Носк доверчиво протянул к нему щупальце с находками:

"Тогда всё это твоё. Забирай"

— А? — Цзиншань растерялся.

Носк с чувством выполненного долга объявил:

"Это мой выкуп за тебя. Брачный дар"

Цзиншань так и прыснул:

— И где ты только нахватался этих глупостей?

Носк честно признался:

"В кино подсмотрел"

Цзиншань ощутил себя строгим родителем, у которого внезапно возникло непреодолимое желание найти и уничтожить все дурацкие мелодрамы мира. "Почему у них до сих пор нет нормального возрастного ценза? Не хватало ещё, чтобы они испортили мне Носка!" — сокрушался он про себя.

Смеркалось. Мрак постепенно окутывал подводное царство.

Поскольку торопиться Цзиншаню было некуда, Носк предложил ему остаться на ночь. Ночевать на затонувшем корабле посреди бездны — опыт, прямо скажем, незаурядный.

Устроившись на прогнившей палубе и закинув ногу за ногу, Цзиншань лениво наблюдал за скользящими над головой тенями глубоководных рыб.

— Знаешь, в следующей жизни я хотел бы родиться рыбой, — пробормотал он. Завораживающая, безмятежная красота океана дарила удивительный покой.

Носк удивлённо покосился на него:

"А я хочу быть человеком"

— Это ещё почему? — спросил Цзиншань.

Носк принялся загибать кончики щупалец:

"Быть человеком здорово. Можно смотреть фильмы, слушать музыку, любить друг друга, решать уравнения... и есть те консервированные сардины высшего сорта"

И, самое главное, быть рядом с тобой.

<http://bllate.org/book/20372/2132675>